

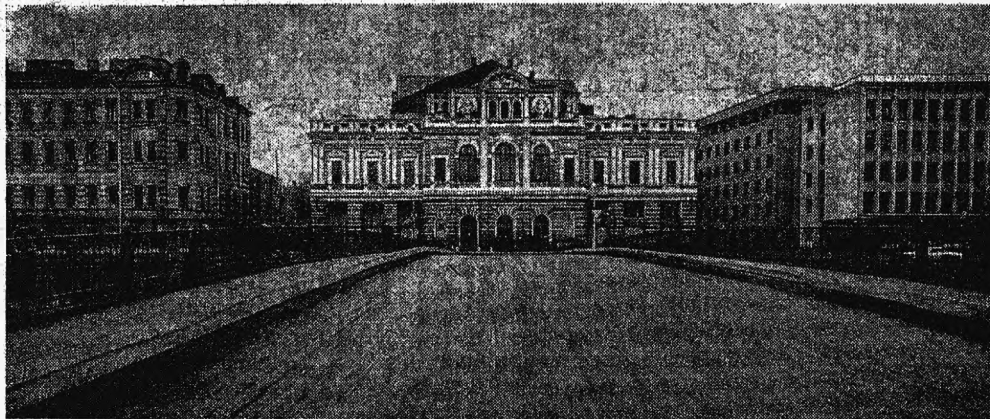
МОНОЛОГ
ТЕАТРАЛЬНОГО
КОНСЕРВАТОРА

ИТАК, седьмого ноября город на Неве торжественно отпраздновал второе обретение своего «крестного имени». Я понимаю: надо возвращать то, что утрачено. Я понимаю: радость возвращения — пусть не сразу к древним ценностям жизни, но хотя бы к прежним нациям, нациям... И все же меня не покидает ощущение некоей несовершенности, лишней шумихи, попытки обмануть самих себя — ведь погибали же! Погибали — в это время занимаемся какой-то экзотикой.

Я не верю в магическую силу переименований: как ни назови город, его и наши каждодневные дела, заботы, беды остаются с нами. Безусловно, вернуть все исторические названия, исконные имена необходимо — они суть элементы культуры народа. Но и оживут эти имена по-настоящему только в возвращенной, воскрешенной культуре. Сегодня «Санкт-Петербург» приживается не слишком хорошо — город все называют по-разному, в ходу остались и «Питер», и «Ленинград»... Это закономерно. Надеюсь, что исторический опыт уберет нас от новых глупостей и никому теперь не придет в голову называть Дворцовую площадь площадью имени Ельцина и тому подобное.

Все так неясно, все так противоречиво! Иногда кажется, что кома уже наступила, что весь организм — организм города, страны, культуры — разложен; гармонические связи, в нем существовавшие, разрушены окончательно. Сохранить в такие дни нормальное рабочее состояние, душевное равновесие, подчинить себя своему делу чудовищно трудно, но необходимо.

ДЛЯ МЕНЯ жизнь сосредоточена в стенах Большого Драматического театра. Я живу сейчас только этим. Мы стараемся удержать в суете страстей, в мелькании ситуаций, мчащихся с катастрофической быстротой, ту стабильность, которая была заложена в нашем театре и которую замечательно, мудро и чутко оберегал Георгий Александрович Товстоногов. Наверное, я сам себе противоречу, но я всей душой за то, чтобы Большой Драматический театр стал называться театром имени Товстоногова. Мы говорили об этом в коллективе и, к моему огорчению, ни о чем не договорились. Одни напоминали, что Максим Горький, имя которого мы носим, был одним из инициаторов создания театра (а это действительно так, и не стоит забывать об этом, перекидывая историю в угоду новой политической конъюнктуре); дру-

Стены на Фонтанке

|Кирилл ЛАВРОВ

гие рассуждали о том, что, мол, придет через тридцать лет гениальный режиссер — и что же, опять переименовывать театр... Единодушия не было, и вопрос пока снят. Такие решения нельзя принимать простым большинством голосов. Устраивать в театре референдум — да Георгий Александрович о таком думать бы не стал, нам не позволил.

В конце концов имя — действительно не главное. Главное то, что мы пока (трижды сплюну, чтобы не слезить) по духу остаемся театром Товстоногова. Главное то, что мы, вместо того чтобы существовать в нынешних безумных хоровах и ловить сиюминутные темы, стараемся обращаться к действительно фундаментальным ценностям. Может быть, нам не всегда по силам «сеять разумное, доброе, вечное», но мы должны хотя бы беречь то, что посеяно.

Сохранять лицо театра трудно. За Товстоноговым мы были как за каменной стеной: он в высшей степени обла-

дал чувством театрального вкуса, талантом выбирать именно то, что нужно ставить и играть сейчас, в настоящем времени. Этот талант не передается. Сейчас у нас в театре практически нет штатных режиссеров. Мы должны приглашать мастеров на постановку, искать «близких» среди «дальних». Что ж, я не думаю, что это нас как-то обедняет. Скорее, напротив: поддерживает готовность к диалогу и обновлению.

За два года, прошедшие с тех пор, как я оказался руководителем театра, я считаю своим самым большим достижением то, что мне удалось пригласить в БДТ Тимура Чхеидзе. Слияние режиссера и театра произошло само по себе, легко: это человек, который мыслит в одном русле с нами и в то же время удивительно самобытно. Наша совместная работа будет продолжаться. По словам Тимура, ему все в театре нравится: так, конечно, не бывает, чтобы нравилось все, но он человек чрез-

вычайно тактичный, деликатный... Он даже делает вид, что ему нравится северный климат. Впрочем, для таких людей, как Тимур Чхеидзе, в Грузии сейчас климат еще хуже.

Меня радует, что спектакли Чхеидзе в БДТ идут с аншлагом, что у театра вновь спрашивают «лишний билетик»: стало быть, мы сумели сделать, выговорить что-то для людей важное. И ведь мы не претендуем ни на какую сверхоригинальность, сверхактуальность! Казалось бы, ну на что нам сегодня Шиллер, само имя которого еще в XIX веке стало символом прекраснотворной романтики? Но мы поверили: разговор о самых простых и самых вечных чувствах — о коварстве и любви, о благородстве и подлости — сегодня будет услышан и будет необходим. И оказалось, что ни нас на сцене, ни зрителя в зале не стесняют романтический пафос, высокий слог — это находит живой отклик. Стесняться то надо совсем иного — ущербности чувств и слов, которая, увы, вошла в привычку.

И новый спектакль Чхеидзе «Сайламские веденья» по пьесе Артура Миллера — в нем нет никаких аллюзий к современности, но речь в нем идет о том, что для всех нас важно: о том, как люди поддаются безумию, как дают себя вовлечь в стихию страха, жестокости и преступлений, — не один, не несколько человек, а целое общество. Это очень страшная пьеса, но, мне кажется, человеческая деликатность Чхеидзе проявилась и в том, как он ее поставил. Мы не хотим запугивать людей, приходящих в зал. Мы хотим, чтобы они задумались.

ЭТО СТРЕМЛЕНИЕ — работать для думающего зрителя — всегда отличало БДТ, и мы хотим сохранить для петербуржцев театр, к которо-

му привыкли и который любили ленинградцы. Я не противопоставляю два эти названия — просто я шестьдесят шесть лет прожил в Ленинграде, мне трудно отвыкнуть сразу... Вероятно, меня можно заподозрить в некотором консерватизме, я возражать не буду. Я действительно хотел бы сохранить в нынешнем разброде многие хорошие и привычные вещи. Их ценность не бросается в глаза именно из-за их привычности. Мы знаем, к примеру, что наша театральная система — постоянная площадка, наработаный репертуар — вызывает у американских актеров жгучую зависть. Мы к ней привыкли и не замечаем ее преимуществ, а ведь она дает очень многое — и актеру, и зрителю. Я уверен, что в нашей жизни театр может стать островком душевного тепла, человеческого благосостояния, уютного уюта, но на это способны лишь труппы, воспитанные в едином ключе, работавшие свою программу, свой крашевиный закон, стабильные и умеющие сохранять свое лицо. Мне кажется, что сегодня быть современным — это значит в первую очередь уметь отделиться от трудного и болезненного времени, уметь взглянуть на него со стороны.

Самое главное, к чему люди пришли за несколько последних лет, — это ощущение внутренней свободы. Оно оказалось вовсе не базовым. Одних оно превратило в истериков, других выбило из колеи — вот ведь, преждемолчал самые известные, самые именитые наши драматурги... И все же это радостное ощущение — покалудь, пока единственное из безоговорочно радостных.

То, что сейчас происходит в стране, расстраивает безумно, но, мне кажется, уже появились ростки, которые позволяют смотреть в будущее с оптимизмом или, во всяком случае, с надеждой. Я живу по состоянию дел в театре — это не только моя работа, но и мое убеждение. Конечно, стены на Фонтанке не могут защитить от всего, что угрожает снаружи; конечно, театр не только дает, но и требует от человека многого — непокаяния душевных сил, упорства, даже подвиги. И, надо признать, общая театральная картина по республикам достаточно грустна. Но я думаю, что те театры, которые сумели сохранить в себе что-то ценное, что-то такое, что дает право обратиться к вечным проблемам и темам, сегодня оказываются все более необходимыми зрителю. Он возвращается к тем, что сохранили верность себе, он опять готов отыскивать себе в чем-то необходимом, чтобы купить билет в театр (и уже поэтому мы не имеем право потупиться наши цены, снижая стоимость билетов со стоимостью колбасы). В отношениях театра и зрителя вновь возникает теплота взаимного уважения и доверия. Обмануть это доверие было бы непочтительно.